

A. R. Bellinger, Ph. Grierson. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, vol. II, pts. 1—2; vol. III, pts. 1—2. Washington, 1968—1973, IX+728, X+887 p., XLVI, LXX pl.

Составленные Ф. Грирсоном два тома каталога византийских монет из собрания Думбартон Оукса и коллекции Виттемора служат продолжением первого тома, подготовленного А. Беллинджером и аннотированного в свое время в ВВ (30, 1969, стр. 285 и сл.). Работа Грирсона отличается от труда его предшественника коренным образом: Беллинджер дал нам только описание монетного фонда, Грирсон же пошел дальше и наряду с дескриптивной частью представил характеристику развития византийской монеты. Различие стилей обоих исследователей не должно удивлять тех, кто знаком с их трудами: Беллинджер — нумизмат старой школы, блестящий знаток византийских изделий, не стремящийся, однако, связать историю монеты и историю общества; Грирсон же — один из тех ученых, кто видит в солиде и милиарисии не только самоделюющий памятник, созданный безмянным резчиком, изящное произведение прикладного искусства, но и исторический источник. Беллинджер, если так можно выразиться, нумизмат-агностик, не допускающий перехода от монеты к исторической реальности, Грирсон готов совершить этот путь, хотя постоянно призывает к осторожности и скептически относится к «радикальным» выводам Д. Меткалфа¹.

Каталог Грирсона включает в себя прежде всего детальное описание византийских монет за 602—1081 гг., сопровождающееся отлично выполненными снимками. Монеты расположены по царствованиям, и каждый раз описание предваряется краткой характеристикой данного периода и выпущенной в это время монеты: разумеется, в истории отдельных царствований Грирсон выделяет те моменты, которые важны для истории монеты, и прежде всего вопросы хронологии, в результате этого возникает кажущаяся непропорциональность вводных характеристик: скажем, историческое введение к разделу о Василии I (III, 473—476) куда обстоятельнее, чем соответствующая часть главы о Василии II (III, 599), но это объясняется необходимостью обосновывать хронологию многочисленных соправителей Василия I, изображавшихся на монетах.

Анализируемый материал ограничен составом коллекций, и потому книга не превращается, как я уже отмечал в аннотации на первый том, в свод византийских монет, хотя и приближается к нему. Тот же недостаток, кстати сказать, присущ и другому отличному каталогу, выпущенному совсем недавно, — каталогу собрания Парижской Национальной библиотеки, подготовленному С. Морриссоном². В настоящий момент уже предпринята попытка издать «византийский нумизматический корпус»: я имею в виду публикацию австрийского нумизмата В. Хана, первая часть которой обнимает время от воцарения Анастасия I до смерти Юстиниана I³. Однако при всей полноте охвата материала книга Хана лишена того, что делает работу Грирсона особенно привлекательной для историка: в рецензируемой книге оба тома открываются большими экскурсами (II, 3—143, III, 3—222), которые характеризуют положение Византии в соответствующий период, монетную систему, организацию чеканки, а также иконографию и эпиграфику монет; в конце экскурсов приложены библиографические списки, где, кстати сказать, работы советских нумизматов (В. В. Кропоткина, И. В. Соколовой, К. В. Голенко и др.) занимают заметное место⁴. Эти экскурсии образуют подлинную историю византийской монеты, которая получает солидное обоснование в обширном материале самого каталога.

Одна из основных иллюзий византиноведческой науки состоит в том, что Византийская империя воспринимается и изображается как неизменный (или почти неизменный) феномен, жизнедеятельность которого состояла в повторении или модификации устойчивых римско-греко-христианских традиций и норм в общественной жизни, литературе, искусстве, праве и т. п. И, может быть, первостепенное значение нумизматических памятников состоит в том, что как раз они чрезвычайно четко обнаруживают подвижность, изменчивость византийского мира, — и Грирсон (при всей его осторожности) убедительно прослеживает эту изменчивость.

Рассмотренный им почти пятисотлетний отрезок времени исследователь разделяет на два периода: первый — переходный — приходится на VII столетие (до установления Исаврийской династии в 717 г.), второй — период формирования собственно византийского типа монеты — охватывает VIII—XI вв. и завершается приходом к власти династии Комнинов, которая открывает новую эпоху в византийском монет-

¹ См. прежде всего: Ph. Grierson. Byzantine Coinage as Source Material. — «Proceedings of XIIIth International Congress of Byzantine Studies». London, 1967, p. 317—333, а также: *idem*. Coinage and Money in the Byzantine Empire. — «Moneta e scambi nel' alto medioevo». Spoleto, 1961, p. 411—453 (см. аннотацию: ВВ, XXIV, 1964, стр. 258).

² C. Morisson. Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque Nationale, t. I. Paris, 1970.

³ W. Hahn. Moneta imperii Byzantini, Bd. I. Wien, 1973.

⁴ Досадная погрешность: работа Т. Я. Абрамишвили посвящена Нокалакевскому (не Покалакевскому!) кладу (II, 134). К сожалению, эта погрешность вошла и в текст (II, 15) и в индекс (II, 712).

ном деле⁵. По Грирсону, монета VII в. отличалась следующими особенностями. Золотая чеканка соответствовала позднеантичной системе, в основе которой лежал солид и его дробь — семиссий и тремиссий; правда, чеканились «облегченные» солиды (в 20—23 карата вместо 24), однако их уменьшенный вес четко указывался на самой монете. Выпуск облегченных солидов может объясняться стремлением приспособиться к германской счетной системе — во всяком случае, он — не показатель падения ценности монеты (стр. 10—15). Серебрянная монета VII в. — гексаграмм, введенный Ираклием около 615 г., — совершенно новый тип. Гексаграмм значительно тяжелее римского денария и его преемника — силиквы; в отличие от серебра VI в. он служил для нужд обмена (во всяком случае, внешнего) (стр. 17 и сл.). Что касается медной монеты, то она пережила в VII в. явный упадок (стр. 22): несмотря на попытку реформы при Константине IV, фоллы конца VII в. обнаруживают нестабильность и резкое уменьшение веса (стр. 28 и сл.).

В организации монетной чеканки начиная с VII в. также происходят важные перемены: ведомство комита священных щедрот, которому в IV в. подчинялись монетные дворы, уже в V—VI столетиях теряет значение, а затем и вовсе исчезает; его функции частично переходят к логофосию геникона, частично же — к вестиярию: во всяком случае, к концу IX в. архонт чеканки находился в подчинении у хартулария вестиярия (стр. 33). Другое важное явление — сокращение числа официн (стр. 34); помимо Солуни (стр. 36), провинциальные монетные дворы на Востоке либо прекращают свою деятельность в начале VII в. (Никомидия в 627 г., Кизик в 629 г., Селевкия Исаврийская около 617 г., Антиохия в 610 г., Александрия около 630 г.), либо функционируют кратковременно (Исавра, Александретта и др.). В отличие от этого на Западе провинциальная чеканка сохраняется (в Карфагене, Сиракузах, Сардинии, Неаполе, Риме, Равенне и т. д.) (стр. 37—53).

И иконографию византийской монеты VII в. отличают переходные черты; именно в это время сходят на нет признаки, восходившие к античной традиции: 1) профильное изображение императора исчезает сперва на меди, затем на серебре и, наконец, на золоте, встречаясь последний раз на семиссиях и тремиссиях начала царствования Юстиниана II (стр. 66); 2) военные атрибуты императора, подчеркнутые на позднеримских монетах, уступают место гражданским: государя изображают в хламиде, с короной на голове, со сферой в руках (стр. 80), хотя образ стоящего императора в воинском одеянии все еще был модным (стр. 74); наряду с этим продолжало встречаться изображение императора в консульском облачении, с лоросом как характерной чертой костюма (стр. 78 и сл.); 3) фигура Виктории встречается последний раз на карфагенском серебре Ираклия с любозной надписью *Virtus* (стр. 348) и на милиарисии Ираклия около 620 г., где она возлагает на государя корону (стр. 268 и сл.); надпись *Victoria Augusti*, впрочем, сохраняется и позднее — на солиде Ираклона от 641 г. (стр. 395). Вместе с тем усиливается христианская символика: изображение Виктории вытесняется стоящим ангелом, тот в свою очередь уступает место кресту (стр. 94), а на золоте и серебре Юстиниана II появляется Христос-Пандократор, занимающий лицевую сторону монеты (стр. 569).

Новые черты отчетливей проступают в чеканке следующего периода. Грирсон отмечает прежде всего сокращение видов монеты: семиссии и тремиссии на Востоке перестали выпускать в середине VIII в. (III, 22); единственным видом серебряной монеты стал милиарисий, введенный Львом III около 720 г., — более легкий, чем гексаграмм: медные монеты в 5, 10 и 20 нуммиев не встречаются после царствования Константина V, и цифра M (40), ставившаяся на фоллах, превращается в анахронизм и при Феофиле исчезает (III, 15 и сл.). Однако это упрощение, начавшееся, кстати сказать, еще в предыдущий период, показательно только для VIII—IX вв. В дальнейшем, с конца X и особенно в XI в., византийская монета вновь становится многообразной (это ярко выражено в многообразии терминов для золотой монеты — см. стр. 44—62), но уже на другой основе: византийцы выпускают не дробные части основных наименований, типа позднеантичных семиссиев и полуфоллов, но монеты одного номинала, при разной реальной ценности. Золотая номисма с конца X в. выступает в двух разновидностях: тонкий и широкий истаменон и более толстый тетартерон, меньшего диаметра и с меньшим содержанием золота. Так возникает типично средневековое понятие «предпочтительной» монеты, которую выгодно приобретать, но нежелательно отдавать; в XI в. эта тенденция усиливается благодаря тому, что номисмы ранних царствований оказываются ценнее (предпочтительнее) более поздних монет того же номинала. Изменяется и форма монеты: с середины XI в. засвидетельствованы вогнутые монеты. Исследователи одно время относили к ним термин «скифаты», но в действительности византийцы именовали их «трахи» (стр. 5—7). Одно из важнейших явлений истории византийской монеты — ухудшение золотой номисмы (солида) в XI в. Оно происходило в четыре этапа: при Михаиле IV появляются наряду с полноценными номисмы в 19½ каратов; в 50-е годы ценность номисмы спускается до 18 каратов при Романе IV — до 16, а после Манцикерта (1071 г.) катастрофически падает до 8 (стр. 41 и табл. 3). Грирсон при этом обращает внимание на то, что соседи Византии пережили в XI в. аналогичные экономические трудности (стр. 42), хотя сам же пы-

⁵ См. о монетах XII—XIII вв.: *M. F. Hendy. Coinage and Money in the Byzantine Empire, 1081—1261.* Washington, 1969 (см. аннотацию: ВВ, 33, 1971, стр. 239—241).

тается объяснить ухудшение византийской монеты политикой «индивидов» (стр. 43): Иоанна Орфанотрофа, Константина IX и др.

Изготовление монеты сосредоточивается почти исключительно в Константинополе — даже наличие монетного двора в Солуни Грирсон считает сомнительным (стр. 81). Тем более интересно, что Херсон, где чеканка прекратилась в начале VII в. (II, 38), возобновил ее при Михаиле III (III, 91)⁶. Некоторое время чеканка византийской монеты продолжалась в Италии (Сиракузы, Равенна и др.).

Изменения иконографии сводятся, по Грирсону, к следующему. Профильное изображение императора окончательно заменяется анфасным⁷: в VIII—IX вв. преимущественно бюст, с конца IX в. — стоящая фигура (стр. 107); наметившаяся уже при Юстиниане II тенденция к христианизации монетной символики была прервана при императорах-иконоборцах (видимо, даже крест стали изображать реже — см. стр. 175), но возобновлена при Михаиле III: образы Христа (стр. 146—169) и богородицы (стр. 169—174) занимают главенствующее место на монетах с конца IX в. Император выступает в гражданском одеянии (различие между хламидой и лоросом перестает быть существенным), тогда как воинский костюм встречается лишь изредка: при Льве III, Константине IX и Исааке I (стр. 126). Латинский язык теряет монопольное положение на легендах — туда вторгаются греческие формулы (стр. 176 и сл.). Наконец тенденция к деконкретизации портрета, наметившаяся уже в VII в. (II, 89), утверждается окончательно, хотя некоторые элементы портретного сходства Грирсон прослеживает у отдельных государей X—XI вв. (III, 144 и сл.): Романа II, Константина VIII, Никифора III.

Не все изложенные здесь наблюдения принадлежат самому Грирсону, однако благодаря ему мы получили теперь надежный и легко обозримый очерк развития монетного дела, пронизанный историзмом, как можно видеть даже по нашему резюме (где, естественно, многие детали опущены). Но, может быть, этот историзм пропустили бы еще отчетливее, если бы в основу периодизации был положен не династический принцип, а внутренняя закономерность эволюции самой монеты. В самом деле, 602 г., который выбран в качестве грани между первым и вторым томом, не принес каких-либо коренных сдвигов, да и царствование Ираклия, если не считать введения гексаграммы, не имевшего, кстати сказать, устойчивого будущего, не было ознаменовано серьезными новыми веяниями. Действительная грань проходит где-то по середине или второй половине VII в., когда начинается кризис византийской меди и замедляется деятельность провинциальных монетных дворов, когда исчезают античные и властно вторгаются христианские иконографические символы. Всю эпоху до середины VII в. можно отнести к поздней античности. К тому же надо добавить, что именно в это время сокращается объем монетной чеканки. Грирсон очень осторожен в оценке объема чеканки, он пытается поставить под сомнение расчеты Меткалфа (см. о них аннотацию на книгу Меткалфа: ВВ, 31, 1971, стр. 221—223), исчисляющего соответствующие данные для IX в. (III, 94—97), но и он не отрицает уменьшения общего количества монеты; правда, Грирсон допускает, что поздние фоллы из-за их скверного качества мало интересовали коллекционеров и потому хуже представлены в собраниях; а археологический материал относится к городам и не типичен для сельской округи⁸, — и все-таки он склоняется к мысли, что «византийское аграрное общество конца VII в. меньше отличалось от германского в Западной Европе, чем мы привыкли думать» (II, 6 и сл.). Заключение чрезвычайно важное, особенно потому, что сделано осторожнейшим нумизматом. А для хода наших рассуждений оно примечательно тем, что здесь именно late seventh century выступает как грань и в истории монеты, и в истории общества.

В свете этого и 717 г. не кажется принципиальной границей. Если отвлечься от реформы серебра при Льве III, VIII столетие не дало существенно нового: по характеру монетной чеканки оно очень близко ко второй половине VII в., а переходный

⁶ Грирсон не использует статью В. А. Анохина «Обзор монетного дела средневекового Херсона» («Нумизматика и сфрагистика», III, 1968, стр. 99—113), где, в частности, автор стремится доказать, что возобновление деятельности монетного двора в Херсоне относится еще ко времени Феофила. Он основывается на единственной монете с легендой N/TH. См. возражения: *И. В. Соколова*. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1975, стр. 6. О херсонской нумизматике VIII—XI вв. см. еще: *И. В. Соколова*. Находки византийских монет VI—XII вв. в Крыму. — ВВ, XXIX, 1968; *А. М. Гилевич*. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. — «Херсонесский сборник», 5, 1959; *К. В. Голенко*. Монеты из раскопок Государственного исторического музея в Херсонесе. — СА, 1972, № 4; *А. М. Гилевич*. Золотые византийские монеты из Херсонеса. — СА, 1959, № 1; *ее же*. Новый клад херсонско-византийских монет. — ВВ, XXIV, 1964; *И. В. Соколова*. Клад херсонских монет середины IX в. — ТГЭ XII, 4, 1971; *ее же*. Датировка некоторых монет Херсонеса. — «Нумизматика и сфрагистика», III, 1968.

⁷ Византийская эстетика требовала изображения праведных лиц анфас — профиль был резервирован для диавола и его слуг.

⁸ В работах последних лет А. Л. Якобсон констатировал экономический подъем сельских поселений Крыма в VIII в. (см. прежде всего: *А. Л. Якобсон*. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. М., 1970), но этот подъем не был связан с внедрением денежного хозяйства, он совершался на натуральной основе.

период завершается скорее где-то во второй четверти или середине IX в., когда начинает возрастать объем чеканки меди и складывается «средневековый» тип византийской монеты с ее религиозной символикой, греческой эпиграфикой и т. д.

Наконец, вторая четверть XI в. приносит новый перелом: резкое возрастание монетных находок, появление вогнутых монет — трахи, обесценивание монеты, первые опыты «милитаризации» иконографии императора, типично средневековая «предпочтительная» монета — все это очень существенные черты нового. Следует подчеркнуть, что изменения эти не были «византийской случайностью», но происходили одновременно с аналогичными сдвигами в монетном деле Запада и Востока: монетный кризис XI в. отражал, скорее всего, приспособление средневековой натуральнохозяйственной экономики к новому феномену — городской жизни.

А. К.

P. P. Joannou. *La législation impériale et la christianisation de l'Empire romain (311—476).* — «*Orientalia christiana analecta*», t. 192. Roma, 1972, 166 p.

K. - L. Noethlichs. *Die gesetzgeberischen Maßnahmen der christlichen Kaiser des vierten Jahrhunderts gegen Häretiker, Heiden und Juden.* Köln, 1971, II+350 S.

Трагическая смерть в автомобильной катастрофе 12 января 1972 г. унесла известного византиниста, историка византийской философии Перикла-Петра Иоанну. Рецензируемая книга, созданная им в связи с чтением курса в Мюнхенском университете в 1966 г., увидела свет уже после кончины автора.

Книга эта представляет собой своего рода регесты — в хронологическом порядке расположенный свод законов позднеримских императоров (311—476 гг.) в области религии (стр. 61—116). Свод состоит из трех элементов: даты, ссылки на источник и краткого содержания закона. Такая максимальная простота весьма удобна для первых справок, хотя, разумеется, исследователь хотел бы видеть в каждом случае отсылку к литературе, источниковедческую характеристику, сведения о том, кому закон был адресован, и т. п. Особенно удобным справочником делает издание Иоанну огромный предметный указатель (стр. 117—150), позволяющий без труда находить законы, затрагивающие тот или иной вопрос. Указатель включает свыше 250 статей. Для того, чтобы дать представление о затронутой в законах тематике, приведу список наиболее обширных статей указателя, отмечая в скобках число занятых строк: еретики (57), евреи (47), рабы (36), дети (35), клирики, иммунитет духовенства (по 31), церкви, язычество (по 28), брак (25), похищение ребенка, девицы и т. п., мятежники против церкви (по 21), манихеи (17), храмы языческие (16), епископы (15), евномииане, ограбление могил (по 13), аудиенция епископальная, жертвоприношения языческие (по 12), неверность супружеская, донос, магия, монахи, бедняки, схизматы, синагоги, вдовы, Рим (по 11), воскресенье, пасха, вторичное крещение, проституция, Константинополь (по 10). Таким образом, главное внимание законодатели уделяли иноверцам и еретикам, организации церкви (монашество занимало сравнительно малое место), семейным отношениям и рабству.

Диссертация молодого западногерманского ученого К. Л. Нэтликса посвящена очень близкой теме — законодательству римских императоров IV в. (от Константина до Феодосия I) относительно инаковерующих (гетеродоксов). Нэтликс рассматривает законы, зафиксированные в Кодексе Феодосия и в нарративных источниках. Работа распадается на ряд очерков — по царствованиям, и каждый из очерков, как правило, разделен на три части: законодательство о еретиках, т. е. внутрехристианских сектантах, о язычниках и об иудеях. Законодательство против гетеродоксов увязывается с политической ситуацией в империи: внешнеполитическая угроза, выступление узурпаторов, консолидация государства — все это, по справедливому суждению автора, сказывалось на отношении позднеримских законодателей к инаковерующим¹. Автор стремится также проследить подоплеку этих законов (см., например, стр. 23, 92), однако источники лишь в редких случаях позволяют судить о том, что против какого общественного строя (состоятельных или неимущих, аристократов или простонародья) было направлено то или иное постановление.

Основной вывод Нэтликса сводится к тому, что три направления римского законодательства IV в. против гетеродоксов развивались независимо друг от друга (стр. 197). Это проявляется прежде всего в «материальном» содержании законов — в природе запретов и наказаний за них: только язычникам возбранялись магические акции; смешанные браки и покупка рабов ограничивались лишь законами против иудеев; сожжению книг, запрет собраний, обучения, рукоположения в священники и строительства храмов применялись по отношению к одним еретикам (стр. 196). Далее,

¹ Связь религиозного законодательства с политической деятельностью императоров прослеживается, между прочим, и в том, что соответствующие законы Константина издавались осенью и зимой, тогда как летнее время он посвящал внешнеполитическим акциям (стр. 44).